

Дом Волошина

100 лет назад поэт начал строить его на пустынном берегу Коктебеля

Валентина Рогова

Сегодня отмечается день памяти Максимилиана Волошина (1877–1932). Его дом и особенно его могила на вершине горы Кучук-Енишары возле Коктебеля являются своего рода святыми местами для людей, так или иначе ощущающих свою причастность к русской литературе.

А начиналось все так. Летом 1893 года вдова члена Киевской

земля, где Орфей вошел в Аид. Живя на земле, культурно насыщенной мифами античности, опаленной солнцем, Волошин ощущал себя эллином.

Языческая любовь Волошина к цветению плоти, природы, вещества во всех его формах и ликах была незыблема. «Я Вечный Жид./ Мне люди – братья./ Мне близки небо и земля./ Благословенное проклятье!/ Благословенные поля!/ Туда – за грань, к пределам сказки!./ Лучи, и песни, и цветы.../ В полях

Для слов Крым, Киммерия, Кермен, Кремль, поэт нашел общий пракорень – КНР, что на древнееврейском значит: неожиданный мрак, затемнение

палаты уголовного и гражданского суда Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна за гроши покупает пустынный прибрежный участок у восточного подножия горы Карадаг, в нескольких километрах от татарско-болгарской деревни Коктебель.

А в 1903 году Волошин начинает строить здесь дачу по собственному проекту: что-то вроде средневекового замка, средиземноморской виллы. Неприятельные сооружения удивительным образом сразу заполняются друзьями Макса. Они воображают себя на родине амазонок: ведь Киммерия – это

люблю я только краски, / А в людях – только бред мечты».

«Макс на вражду своего согласия не давал, – констатировала Марина Цветаева, – и этим человека разоружал». Однако в известном инциденте 1913 года, когда Волошин стал на защиту безумца, порезавшего картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» (утверждая, что на это его спровоцировала сама картина), проявился недюжинный характер поэта: способность противостоять всем, как мощная глыба – жиденькому потоку.

Это могло удивить только тех, кто не знал, что в словах

независимая 9 – 2003 – 11 авг. – с. 8.

Волошин вынул стиль своей жизни из легких очерков коктебельских гор, плеска моря и цветистых узоров коктебельских камушков...

Крым, Киммерия, Кермен, Кремль Волошин нашел общий пракорень – КНР, что на древнееврейском значит: неожиданный мрак, затемнение. Для посвященных Коктебель был символом «кошмарично сказочной» крепости, а ее знаменем – «зевсopodobие» (определения Александра Бенуа), крижистое, умнейшее и добрейшее.

Еще пошаливал Серебряный век, а Россия уже воевала. Мир Волошина, основанный на любви и бережном постижении природы, рушился на глазах. Но молился он о том, чтобы «не разлюбить врага» и одолеть «самое войну».

С 10 по 25 ноября 1917 года в Коктебеле находились прапорщик Сергей Яковлевич Эфрон

и его жена Марина Цветаева, воспринявшие октябрьский переворот как непоправимую катастрофу. Из воспоминаний Цветаевой: «– Погляди, Макс, на Сережу, вот – настоящий мужчина! Муж. Война – дерется. А ты? Что ты, Макс, делаешь? – Мама, не могу же я влезть в гимнастерку и стрелять в живых людей только по-

тому, что они думают иначе, чем я. – Думают, думают. Есть времена, Макс, когда нужно не думать, а делать. Не думая – делать. – Такие времена, мама, всегда у зверей – это называется «животные инстинкты». Так Волошин, взрослый 40-летний мужчина, впервые, может быть, осознал роковой гнет слепой материнской любви.

Устояв перед авторитетом Елены Оттобальдовны, Волошин являет высокий пример человечности. Его дом – Дом Поэта – становится островком тепла и света для всех, попавших в горнило Гражданской войны. Не принимая ни белого, ни красного террора, Волошин спасал и тех и других: «...И красный вождь и белый офицер,/ Фанатики непримиримых вер,/ Искали здесь, под кровлею поэта/ Убежища, защиты и совета».

Точный диагноз ставит Вересаев: «Революция ударила по его творчеству, как огниво по кремню, и из него посыпались яркие, великолепные искры. Как будто совсем другой поэт явился, мужественный, сильный, с простым и мудрым словом...»

Стихи Волошина расходятся в «тысячах списках»: «Эх, не выпить до дна нашей воли,/ Не связать нас в единую цепь!/ Широко наше Дикое Поле,/ Глубока наша Скифская степь!»

По сути Волошин – первый самиздатовский автор в Советской России и не сравнимый по славе ни с кем. Белая гвардия распространяла его стихи в миллионных листовках, красные читали их на многотысячных митингах. «Ни война, ни революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали... – пишет Волошин в «Автобиографии» 1925 года. – Принцип коммунистической экономики как нельзя лучше отвечал моему отвращению к заработной плате и к купле-продаже».

Но это только одна сторона происходящего. Есть и другая, о которой он тоже слишком хорошо знает: «В Крыму под командованием Бела Куна за первую зиму было расстреляно 96 тысяч

человек на 800 тысяч населения». Самое забавное, что Бела Кун тоже гостил в Доме Поэта: он даже разрешил Волошину вычеркивать из расстрельного списка каждого десятого... Ну а остальные девять шли в расход: «Разве я плачу о тех, кто умер? / Плачу о тех, кому долго жить...»

Однако любовь к человеку, которой жил и спасался Волошин в годы кровавой русской бойни, его самого не уберегла. Летом 1931 года он начинает обдумывать способ самоубийства. Склоняется к тому, чтобы «расстреляться» – на советском языке это значило написать несколько правдивых стихов о «текущем моменте». «Он уже не мог грести «против течения».

Провидение само написало его Евангелие: одинокий и бескорыстный Поэт летом 1932 года заболел ползучим воспалением легких, лечиться он не стал...

Похоронили Волошина, как он завещал, на вершине горы Кучук-Енишары, которую скоро стали называть Волошинской. «На верху Карадага есть могила магометанского святого, а на этой вершине – могила Волошина, русского святого», – говорили местные татары.

«Сам Волошин как поэт, художник кисти, мудрец, вынужденный стиль своей жизни из легких очерков коктебельских гор, плеска моря и цветистых узоров коктебельских камушков, стоит мне в воспоминании как воплощение идеи Коктебеля. И сама могила его, взлетевшая на вершину горы, есть как бы расширение в космос себя преображающей личности», – писал Андрей Белый.

Вид, кстати, с этого места открывается превосходный. ■